

КТО БОИТСЯ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

Автор: С. ТЕРНЕР

ТЕРНЕР Стивен - профессор университета Южная Флорида (г. Тампа, США).

Л. Коляковский как-то заметил, что марксистская критика "утопистов" внутренне противоречива. Хорошие сталинисты и их друзья из научной среды придерживались мнения, что - в отличие от марксизма - утопическое мышление было "политически неэффективным". Но, отметил Коляковский: "если бы мнимые утописты были только группой мечтателей, ткущих из нитей своих фантазий идеальный мир, никто бы и не стал брать на себя труд критиковать их. Если критика утопических доктрин становится, или считается, важной общественной проблемой, это [...] уже критика не социальной неэффективности утопической мысли, а ее эффективности" [Kolakowski, 1961: 369]. Примерно то же можно сказать и об особом статусе истории социологии в рамках социологии.

Если бы история социологии была бы столь неважна, не было бы необходимости или интереса ее критиковать. Но, заметил Р. А. Джонс в предшествующей статье по этой теме, социологи-количественники в США пренебрегают историей социологии сегодня. Они считают ее напрасной тратой времени, в то же время самих себя считая орудием, посредством которого социология реализует свое будущее. Джонс вполне мог бы рассказать историю оппозиции к истории социологии в американской социологии, оппозиции давней и удивительно ожесточенной, связанной не только с количественной социологией, но и с построением систем, или, по словам Мертона, "системной" социологической теорией времен Мертона и Парсонса. Недавняя попытка создать секцию истории социологии Американской социологической ассоциации натолкнулась на оппозицию. И, конечно, не только американские социологи испытывали антипатию к истории социологии, хотя антипатии принимали разные формы в разных национальных контекстах, смешиваясь или сочетаясь с другими антипатиями.

История истории социологии. Показательно, особенно для американцев, сопоставление трактовок истории социологии в рамках социологии и истории психологии в психологии. В психологии преподавание "исторических" курсов - обычное дело. История психологии признанная профессиональная специализация, у нее сейчас есть собственный официальный журнал в системе журналов Американской психологической ассоциации. Психологи ведут себя иногда странными и неприятными способами, способами, показывающими, что у них есть выраженное чувство того, что их исследования делают историю и что у их усилий есть своя историческая основа.¹ Подобно

Опубликовано в Swiss Journal of Sociology, 1998. N 24. С. 3 - 10.

¹ К примеру, психологи могут обозначить открытые ими факторы инициалами в честь уважаемого исследователя в данной области, так же, как статистики (чувствительные к своей истории) называют формулы (например, "Q" в честь Кеттле) или естествоиспытатели - систему мер в честь исследователей минувших времен, например Маха и Ома.

ученым-естественникам, они заинтересованы в истории своей отрасли знания, так как верят, что содействуют ее дальнейшему развитию. Они озабочены тем, чтобы сохранялась отрасль истории, существующая ради признания их достижений и памяти о них. В Американской психологической ассоциации нет никаких кампаний против истории психологии со стороны, как нет и кампаний против истории науки как таковой в точных науках², как нет кампаний против истории политики со сторон государственных деятелей, которые хотят, как и ученые, хорошо выглядеть в глазах историков, прославляющих их деяния.

Разницу, по меньшей мере, в социологии США, частично позволяет понять сама история. Роль "истории социальной мысли" в ранний период преподавания социологии в США, особенно до Первой мировой войны, была очень велика. Как правило, факультет начинал обучение социологии 2 - 3 курсами, один из которых был отведен изучению предтеч и основателей социологии, их идей, в особенности теоретических. Усвоение этого материала было базовым для овладения социологией. Знать эту историю значило знать многие объясняющие идеи, которые могли быть использованы в объяснении социальной жизни. Список таких идей включал такие темы как география, роль окружающей среды и множество других, впоследствии исключенных из собственно социологии. Такого рода история социологии держалась долго. Она до сих пор заметна в работах Барнса и Беккера [Barnes, Becker, 1938] и самого Барнса [Barnes, 1948].

Враждебное отношение к истории такого рода было частично обусловлено новыми представлениями о социологии, особенно после Второй мировой войны. Но было много прецедентов. Уже в 1920-е гг. проявлялась враждебность социологов-"эмпириков" к теории, а финансирование Рокфеллером социологии, - очень щедрое - специально уводило от теории - особенно в Соединенных Штатах. В Европе дело обстояло иначе. Частично потому что эксперты Рокфеллера занимались подбором и поддержкой потенциальных лидеров и развитием социальных наук как академических дисциплин больше, чем приданием нового направления проводившимся работам. Некоторые оценки конкретных лиц со стороны этих советников были очень хороши и перспективны. Деньги Рокфеллера поддерживали Стокгольмскую Школу Экономики, к примеру, как - какое-то время - и А. Вебера, и, конечно же, П. Лазарсфельда и Э. Фёгелера; каждый из них получил грант - один из многих - на научные стажировки в Соединенных Штатах.

Попытку заменить исторический подход в теории системным возглавили Парсонс и Мертон. Их мотивы были вполне очевидны. Себя они считали поколением, которое сделает, наконец-то, социологию точной наукой, а историков предшествующей социальной мысли - преградой такому подходу. В сущности, некоторые из них были серьезными критиками сциентизации, например, Ч. Элвуд, П. А. Сорокин, менее последователен был Макивер (Maclver). Враждебность американских социологов-количественников к истории предшествующей социальной мысли была менее интеллектуальна. Как и Генри Форд, они считали историю болтовней.

Но история социологии не умерла, и ниже я бы хотел объяснить, почему она не умерла и не умрет. В первые послевоенные годы многим получавшим образование студентам, интересовавшимся историей социальной мысли (например, Роско Хинкле), их научные руководители советовали как-то изменить название "социальные изменения", так как такая специализация помешает им получить работу. С помощью этой и других уловок те, у кого был интерес к истории социальной мысли и истории социологии, смогли выжить. Но, конечно, они оказались маргиналами, так как лица, подобные Парсонсу и Мертону, делавшие тогда погоду, стремились не допустить возвращения истории социологии ее прежнего статуса.

История как оружие. Большинство работ по истории, как минимум подсознательно, мотивированы современными заботами. Иногда эти мотивы вполне осмысленны. Парсоновская "Структура социального действия" (1937, 1968) [Parsons, 1937] была попыткой создать историю, известную со времен Гегеля, когда силы разума в истории находят свою кульминацию во взглядах автора. Такая история - знаменитый тезис о

² Правда, была кампания против социальной конструктивистской социологии науки, которая стала влиять на историю науки.

конвергенции Парсонса, считавшего, что его предшественники, особенно Дюркгейм, Парето, Вебер, - шли к единой модели действия, в которой у нормативности была особая и необходимая роль, - просто подгонялась под эту цель. У рассматривавшихся им авторов была якобы и та же общая отправная идея - "социальная" критика утилитаризма, пример которой являются Айеринг (Ihering) и Спенсер. Парсонс собрал следы Айеринга и Спенсера, сохранившиеся в разных формах у их разных критиков, такие как несводимость "нормативного" к полезному. Потом он сложил их и предложил новый взгляд на действие, далее объявленное им точкой конвергенции, к которой они стремились. Точнее было бы сказать, что они отвергали подразумевавшуюся (Парсонсом) модель действия и двигались прочь от нее в радикально иных направлениях.

Тезис о конвергенции идей социологии - история, имеющая определенную цель - подтвердить современное представление, показав, что оно прямо вытекает из прошлых воззрений и превосходит их. В каком-то смысле это очень полезный вид истории, так как он приручает прошлое, уверяя нас, что наш выбор пути от прошлого к настоящему, которым мы фактически идем, - единственно возможный. У другого взгляда на историю будет другая цель: та, что ныне общепринятые взгляды - не единственно возможный исход истории и что многое, о чем думали люди в прошлом, сейчас отвергнуто, и, может быть, напрасно. Иная разновидность истории могла бы утверждать иное: что считающаяся сегодня общепризнанной мудрость - не единственно возможный итог прошлого, что многое из того, о чем думали люди в прошлом, сейчас упускается из виду - и может быть напрасно. Иными словами, история может показать, что ситуация сегодняшнего дня - это продукт решений, которые вполне могли быть иными.

То есть история - это оружие, или материал для оружия. В 1930-е гг., в то же время, когда Парсонс писал свою "Структуру социального действия", Элвуд работал над "Историей социальной философии" (1938) [Ellwood, 1938], подчеркивая совсем другое: конфликты тридцатых годов сторонников планового социального вмешательства [в функционирование рынка]³ и их оппонентов коренились глубоко в истории социальной теории, примером чего в США был конфликт Л. Ф. Уорда и У. Г. Самнера. Элвуд стоял на стороне Уорда, реформатора-"интервенциониста". Но в его изложении этот конфликт реально был фундаментальной интеллектуальной проблемой, центральной и для политиков его времени. Позже, в 1960-е гг., Э. Беккер во многих трудах, читавшихся далеко за пределами академической социологии, тоже попытался возродить наследие Уорда - "потерянную науку о человеке", как он ее называл, - выделив нормативное ядро этой "точной науки" (1971) [Becker, 1971]. Такие книги задумывались как упрек сциентистской социологии того времени, как напоминание об интеллектуальной глубине и моральном значении реформистских корней американской социологии.

Сегодня мощь истории как оружия сохраняется. Вопрос, который нужно задавать, таков: почему это оружие является столь мощным в социологии, почему историю так часто пишут с такой точки зрения и так редко как историю непрерывного прогресса по образцу традиционной истории точной науки? Часть ответа - роль "политики" в дисциплине *история социология*. Организованная интеллектуальная жизнь, как и жизнь такой дисциплины, как социология, это результат коллективных или политических действий, таких как вытеснение определенных видов работ из стандартных **социологических** журналов, чего могло и не быть⁴. У большинства подобных решений бывают косвенные последствия, последствия, которые трудно "доказать". Но факт, что социология представляет собой организованную деятельность, где принимаются решения, означает, что мы можем, по меньшей мере, указать затронутым людям - и понять - эти решения, размышляя исторически о последствиях тех решений, которые фактически приняты. Если мы даем некие основания думать, что эти решения были неправильными, мы тем самым даем основания отвергнуть неизбежность и законность

³ Речь идет о "Новом курсе" Ф. Д. Рузвельта (прим. переводчика).

⁴ Полезное обсуждение понятия утраченных альтернатив и стечения обстоятельств см. в работе Камика (1994) [Camic, 1994].

результатов этих решений, - таких как дисциплина со своими когнитивными ценностями.

Некоторые из этих "коллективных решений", в основном, условны. Феминистские версии истории социологии, как и феминистские описания истории науки, концентрируются на вопросах исключения голоса женщин. В некоем гипотетическом смысле социология могла "отвергнуть мужские идеалы и стала бы тогда действительно гендерно-нейтральной" в 1900 г. Но практически в историческом смысле это было вне власти какой бы то не было общности того времени. Тем не менее, даже такая очень абстрактная контр-фактическая история имеет мощное рефлексивное значение. Если социология, какой она является сегодня, есть реальный результат эксклюзии женщин в прошлом, данное обстоятельство оправдывает пересмотр тех черт социологии, которые обычно считаются само собой разумеющимися (и даже высоко ценятся), что, можно сказать, есть продукт данного отдаленного и гипотетичного исторического факта.

К этому перечню можно добавить много других примеров. Интенсивная дискуссия об американской социологии, роли исторических обстоятельств и случайностей в ее послевоенных воздействиях на немецкую социологию была проведена Ф. Тенбруком и продолжена его учениками. Эта дискуссия поднимает чрезвычайно важный рефлексивный вопрос. Является ли состояние современной немецкой социологии тем, каким оно должно быть, или это состояние - продукт исторической случайности в виде исхода войны и следствие вторжения чужой идиосинкразической социологической традиции, скрытой под одеяниями нейтральности и универсальности? Это действительно очень хороший вопрос. Этот вопрос, в несколько иной форме, значительно стимулировал разработку европейскими учеными проблем последствий для европейской социологии североамериканской филантропии, особенно фондов Форда и Рокфеллера.

Другая область, в которой роль истории имеет существенное значение для рефлексии - вопрос об источниках, особенно в американской социологии, господства количественного идеала и господства в социологии количественно ориентированных элит. Эти вопросы стали причиной некоего ожесточения, - факт, который я могу засвидетельствовать лично. Моя с Дж. Тернером книга "Невозможная Наука" [Turner, Turner, 1990], которая детально излагала долгую историю зависимости количественной социологии от льготного финансирования фондами и из других источников, заслужила, как мне говорили, высокомерные насмешки тогдашнего редактора журнала "American Sociological Review" на заседании комитета по публикациям Американской социологической ассоциации. Это был как раз тот тип книг, которые ему не хотелось видеть опубликованными. Но почему нет? Подозреваю, как раз потому, что они ставят под сомнение интеллектуальную легитимность господства в нашей дисциплине социологов-количественников.

Почему история - столь сильный инструмент постановки этих вопросов? Если мы ставим под вопрос существующую институциональную и дисциплинарную форму социологии в этих странах, весьма актуально спросить, являются ли эти дисциплинарные черты продуктом интеллектуальной заслуги или чего-то иного? Вопрос интеллектуальных заслуг уже поставлен: это вопрос, который мы должны задавать себе в любом случае. Историческая наука дает средство для наших размышлений о происхождении и природе наших собственных стандартов и интеллектуальных предпочтений, включая стандарты и интеллектуальные предпочтения, которые мы используем, чтобы делать эти суждения.

Кратко остановлюсь на идее условных или гипотетических решений. Она применима к любому коллективу, который делает исторические решения того или иного рода, или может считаться сделавшим (не сделавшим) некие решения. Образ решения особенно применим к странам, - есть реальные решения, сделанные людьми, представительными акторами. То же имеет место в научных дисциплинах, но реальности жизни научных дисциплин совсем иные. Нет единой суверенной исполнительной власти. Нет и простых случаев, когда представители принимают от имени дисциплины реальные решения с четко определяемыми историческими последствиями. Тем не менее,

в научных дисциплинах принимается множество решений, - от имени этих дисциплин, от имени дисциплинарных стандартов и т.д. Эти решения в сумме формируют научные дисциплины: решения о назначении людей, присуждении степеней, публикации, финансировании и т.д. Таких отдельных решений, принятых от имени социологов, достаточно, чтобы сделать значимой мысль о том, что "все это могло быть иначе".

Тогда коллективные размышления по сути напоминают рефлексию человеком своей биографии. Факт, что не только институциональные структуры, но и сами основания оценок в каком-то смысле является продуктом когда-то сделанных решений, которые могли быть иными, придает прошлому и его интерпретации первостепенную роль. Именно эта первостепенная роль, роль причины и делает историческую рефлексию столь мощной, а историческую науку таким заманчивым путем для тех, кто желает бросить вызов результатам истории или просто открыть их - как проблематичные.

Коллективная ответственность. Где коллективное решение, там и коллективная ответственность; именно здесь самое важное назначение истории социологии, как нечистой совести социологии. Социология сегодня как институциональная структура, которая приподняла определенные виды научной деятельности и продвинула определенные виды карьер и карьеризма, является продуктом ста лет коллективных усилий. Разумно спросить, каков результат этих усилий, от основания "American Journal of Sociology", Немецкого Социологического Общества, Научного совета по социальным исследованиям (Social Science Research Council) и далее.

Мы вряд ли договоримся об ответе на этот вопрос. Но его можно добыть "объективно". Важная работа, опубликованная главным аналитиком-исследователем Института научной информации Г. Смоллом и Д. Крэйном, видным американским социологом науки, показывает вполне ясно, что радикальные дисциплинарные перемены произошли в социологии между 1960-ми и 1980-ми гг. Главное изменение, которое они документально доказывают, отражено в библиометрической структуре цитирования в социологии. Социология когда-то была нормальной дисциплиной; центр дисциплины образовывали кластеры цитирования. В 1980-х эти кластеры просто исчезли. Цитирования переместились в кластеры за пределами социологии. Социология прекратила существовать как дисциплина, по крайней мере, в стандартном библиометрическом смысле (1992) [Crane, Small, 1992].

История социологии - это история интеллектуальных приключений, весьма многообещающих. Тексты классиков социологии, несмотря на их недостатки, указывали возможность более глубокого понимания социального мира. Даже критики социологии признают это. П. Смит, американский администратор науки и историк, несколько лет назад написал резко критический анализ американского университетского образования. В нем он заметил по поводу социологии: "... ясно, что у нее те же самые острые проблемы, что и у других общественных наук. Это не наука и никогда ею не станет. Кроме того, у нее нет ясного видения своей миссии даже в роли менее претенциозных "исследований".... В отличие от истории, у нее нет никакого реального корпуса литературы, на который можно опереться. Студент(-ка), прочитав Макса Вебера, Р. Х. Тоуни (Tawney), Эмиля Дюркгейма, Чарльза Райта Миллса и немногих других, в значительной степени исчерпает "литературу" (1990) [Smith, 1990: p. 232]. Жестокая точность этого суждения - признак реальных причин того, почему негодуют на историю социологии.

Лучшее в социологии - ее прошлое. История социологии - это постоянный упрек социологии настоящего времени. Прошлое мешает именно потому, что оно лучше: его мыслители серьезнее и основательнее, заботы были глубже, более достойны изучения. Формальная дисциплина, которая с таким усердием создавалась в течение минувшего столетия, потерпела фиаско. У людей, которые несут ответственность за современную социологию, есть серьезные основания бояться ее историков. Но они обижены на хранителей прошлого, а им следовало бы анализировать и исследовать собственные неудачи.

Перевод О. Н. Назаровой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Barnes H. E. (ed.) (1948). *An Introduction to the History of Sociology*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Barnes H.E., Becker H. ([1938] 1961). *Social Thought from Lore to Science*. 3rd Edition, New York: Dover Publications.

Becker E. (1971). *The Lost Science of Man*. New York: G. Braziller.

Camic Ch. (1994). *Reshaping the History of American Sociology // Social Epistemology*. 1994. Vol. 8.

Crane D., Small H. (1992). *American Sociology since the Seventies: the Emerging Identity Crisis in the Discipline* (pp. 197 - 234), in *Terence C. Halliday, Morris Janowitz* (eds.). *Sociology and its Publics*. Chicago: University of Chicago Press.

Ellwood Ch. (1938). *A History of Social Philosophy*. New York: Prentice Hall, Inc.

Kolakowski L. (1961). *The Conspiracy of Ivory Tower Intellectuals*, pp. 347 - 70 in *Arthur P. Mender* (ed.).

Essential Works of Marxism, New York: Bantam Books. *Parsons T.* ([1937] 1968). *The Structure of Social Action; A Study in Social Theory and Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: Free Press.

Smith P. (1990). *Killing the Spirit*. New York: Viking.

Turner St., Turner J. (1990). *The Impossible Science*. Sage.